

СЕЗОННОЕ И НЕПРЕХОДЯЩЕЕ

Андрей ГОНЧАРОВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР,
главный режиссер Московского академического театра
имени Маяковского

ЗАМЕТКИ О ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРЕ

КОНЕЦ сезона. Для театра это понятие, по моему, чисто символическое, потому что наша работа, по существу, не прекращается со спектаклем, объявленным на последней афише сезона.

Конец сезона — это, как правило, новые замыслы и надежды, которые прежде всего, конечно, связаны с драматургией. Один пьесы прошли без следа, как желуди мимо сезона. Это были произведения мелко-темные, незначительные. Другие, напротив, останутся жить, привлекая внимание зрителя глубиной освещения коренных проблем жизни.

Недо ли говорить, что пьеса, способная увлечь театр, может изменить репертурную перспективу года! Особенно пьеса на современном тему, которая всегда была и будет ведущей в репертуаре. Современная пьеса, которую мы ждали от драматурга, на которую надеялись и даже заранее поощряли зрителем!

К сожалению, крупными событиями в драматургии минувший сезон порадовал мало. И это, естественно, не могло не отразиться на репертурных планах театров.

Главное — признан грустному статистике: писатели уходят из театральной драматургии в кино, на радио и телевидение. Кто-то с опаской заговорил о том, что многие драматурги, забросив

другие жанры, занялись комедиями да водевилями. Что ж, во всем этом есть доля истины. И я, как многие мои «колеги», тоже готов бросить перо в драматургический котурод.

Однако извечный спор о драматурге, который не откликнулся на призывы театра или пришел с произведением неглубоким, недогловечным, мне кажется, в каждом случае должен решаться практически.

Недавно я, например, обратил к некоторым прозаикам, в творчестве которых, как мне кажется, углубляющую драматургическую черту, с предложением о сотрудничестве. И что же? Вопреки утверждениям пессимистов, что писатели несоразмерно театры стороной, мы встретили довольно активный отклик. На наше приглашение отозвались писатели Москвы, Белоруссии, Молдавии.

Я не собираюсь утверждать, что наш театр уже решил проблему репертура. Но бесспорно дано — расширение авторского актива театра, привлечение новых авторов наряду с известными, уже зарекомендовавшими себя в драматургии, могут принести хорошие результаты.

В новом сезоне мы видим для себя интересные перспективы. Да и в минувшем наряду с зрительской прозаической классической репертура, таких, как «Галатии и

поклонники» Островского или «Дети Ванюшина» Найденова, мы показали четыре пьесы советских авторов. В том числе дебют на театральной сцене киноактера Валентина Ежова — «Соловьиная ночь». Мы отлично сознаем драматургические недочеты этой пьесы. Понимаем их причины: у кинодраматургии свои законы, и писатель не всегда с первой же пьесы может перестроить кинематографический способ организации материала. Но в «Соловьиной ночи» театр сразу же привлекли добрая, человеческая интонация, высокий гуманизм, покорявший нас в сценарии В. Ежова и Г. Чухрая «Власть о солдате».

Там же меня не только как главный режиссер одного из московских театров, но как член жюри ежегодного фестиваля «Московская театральная весна» не могу не отметить, что итоги этого сезона в целом оставляют желать лучшего. Многогранный характер на-

шего современника был весьма скромно представлен на сцене.

Появилось несколько произведений, быть может, и значительных, но все же не затрагивающих главных, коренных вопросов современной жизни и не раскрывающих характеров советских людей, совершающих святой романтический подвиг нашего времени, как они того заслуживают.

Стремительно сменяющиеся события, каждое из которых могло бы составить историю целого поколения в прошлом, ставят перед театром, а в первую очередь перед драматургией, задачи невиданной сложности. А глубокие перемены в духовном облике людей требуют особого, углубленного подхода к их изображению. Мы часто и справедливо говорим, что драматургии недостаточно внимательны к рабочей теме. Но правильнее, наверное, было бы поставить вопрос по-иному. Суть дела не в отсутствии внимания к рабочей теме, а в

неумении ярко и глубоко изобразить современного рабочего человека, живущего напряженной и богатой душевной, интеллектуальной жизнью.

Вот почему особое значение приобретает сейчас психологическая драматургия с ее интересом и сложному многообразно человеческим характерам. Но в то же время психологическая пьеса требует от театра особой четкости режиссерских решений, точного пластического выражения мысли.

Старая дискуссия о том, какой мы предпочитаем видеть режиссуру — сумирующей в актере, то есть искусно скрывающей, приуменьшающей в спектакле или, наоборот, доводящей до исполнения, даже отожествив. Плохо, на мой взгляд, любя в эти крайности. А ведь и драматург, работая над пьесой, нередко руководствуется только двумя крайними принципами: либо пренебрегает оригинальной формой, полагая, что этим обеспечит путь для свободы актерского творчества, либо пытается навязать театру измученно сконструированные сцены, в которых уязвлен живой человеческий характер.

Я за режиссуру точного и четкого решения. Чем сложнее и многоплановее драматургический материал, тем яснее, скульптурно осязаемые должны быть режиссерский замысел и его воплоще-

ние. Точность режиссерского решения мобилизует актерское воображение, создает опору для импровизации в образе.

Во всяком случае, весь опыт нашего театра, лучшие традиции Театра Революции — Театра имени Маяковского, заложенные В. Э. Майерхофом, А. Д. Поповым и Н. П. Охлопковым, напоминают нам о необходимости сочетать сложность и глубину психологического рисунка образа с ясным и точным замесом режиссуры. Такими были «Мой друг» и «Поэма о топоре» в постановке А. Попова, такими были лучшие архаические спектакли — «Аристократы», «Иркутская история».

С такой драматургией связана театральная юность наших актеров. Такая драматургия станет надежной опорой их творческой зрелости.

К сожалению, наша театроведческая наука слабо еще обобщает теорию драматургии и театра, опыт лучших постановочников прошлых лет. Я ощущаю острый недостаток в работ, которые синтезировали бы и сделали популярным опыт выдающихся продолжателей трудов Станиславского и Мейерхола — Даченко, таких, как А. Д. Попов и А. М. Лобанов. А ведь не только режиссерам и актерам, но и драматургам (пожалуй, прежде всего драматургам) жизненно необходимо лучше знать теорию и практику советского театра, его эстетику, историю

разрабатывали наши выдающиеся режиссеры. Лобанов, кажется мне, как никто в наше время, смог определить пути развития характера глубоко психологического и вместе с тем современного. Великопелене опыты А. Д. Попова в области сценического выражения мысли, его размышления о новом, современном понимании сценических задач и их творческого действия еще не открыты многими театрами и драматургами. А ведь речь идет о крупнейшей заповеднице советской режиссуры.

С СЛЕДУЮЩЕГО сезона на наш театр открывается вторую сцену с замлом на 200 мест. Это вызвало прежде всего желание разнообразить формы художественного общения со зрителем, внести новые оттенки в актерскую, да и в драматургическую — палитру.

Не мы одни идем новых связей со зрительским залом. На страницах «Литературной газет» такого рода поиски рассказывали и режиссер Ю. Заварский, и актеры С. Юрский и А. Павлов. Следовательно, речь идет не о частном случае.

Надо ли говорить, что и драматурги не могут пройти мимо этого явления! А ведь писать пьесу, рассчитанную на исполнение в большой зрительской аудитории, или произведение для исполнения в зале на 200 мест — значит решать задачи неоднородные.

Вся наша работа отныне будет поворачиваться главным образом к подготовке 1000 пути рождения В. И. Ленина.

Принят к этой задаче советскому театру необходимо во всеоружии свои достижения. Во всяком случае, что на наших сценах должны идти лишь такие юбилейные спектакли, в которых непременно появляется актер в роли В. И. Ленина. Говорю, мне кажется, — лиричная атмосфера спектаклей юбилейного года.

Театр имени Маяковского обратился к творчеству поэта, имя которого он носит. Мы намерены поставить «Мистерия-буфф», пользуясь теми режиссерскими пообновлениями пьесы, которые дал сам Маяковский. В спектакль войдут знаменитые из двух его поэм — «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

На может существовать проблем для драматургов, которые не стали бы крупными проблемами театров. И единственно способ плодотворного решения — эти проблемы решать в тесной связи — как постоянная дружба режиссера и писателя, актера и писателя.

Это стало традицией русского театра еще со времен Щепкина и Гоголя. Время велит нам укреплять и развивать эту традицию.